Текст · 9 августа 2021, 07:02
Вениамин Волин,

«Начали крутить свою "шарманку боли". На этом я сломался». Первое интервью фигуранта дела «Сети» Игоря Шишкина после освобождения

В тюрьме мечтал о многом. Хотелось увидеться с близкими и родными людьми, увидеть значимые для меня места родного Петербурга и поскорее покинуть концлагерь под названием Российская Федерация. Собственно, это и сделал сразу после освобождения. Теперь я могу рассказать все, что было, не опасаясь преследования со стороны ФСБ.

Не смог увидеться с некоторыми близкими людьми, хотя подавляющее большинство важных для меня ребят приехали со всей России прямо к колонии встречать меня (это был незабываемый момент), не успел решить многие бюрократические моменты, не успел продать свой бизнес[1].

Россию я решил покинуть, потому что не понаслышке знаю и понимаю, как тут все устроено. Особенно, когда на тебе клеймо «террориста». Мне и моим близким тут просто не дадут нормально жить. Я понимал, что у меня есть шанс убежать только в первое время, пока силовики не опомнились и пока решение суда об административном надзоре[2] не вступило в законную силу.

Бросать все — а что у меня здесь было? Квартира? Это наживное. Любимый город? Он навсегда в сердце. Друзья и близкие? 21-й век, все мобильные, будем видеться.

Что еще? Судимость, психологическая травма, постоянный страх? Это я готов оставить в прошлом.

Дело «Сети» в Петербурге и Пензе

Уголовное дело о «террористическом сообществе "Сеть"» было возбуждено ФСБ в октябре 2017 года по части 2 статьи 205.4 УК. В течение месяца в Пензе задержали Егора Зорина, Илью Шакурского, Василия Куксова, Дмитрия Пчелинцева, Андрея Чернова и Армана Сагынбаева (последнего силовики нашли в Петербурге и этапировали в Пензу). Двое пензенцев — Максим Иванкин и Михаил Кульков — скрылись и были объявлены в розыск; летом 2018 года их схватили в Москве. В январе 2018-го в Петербурге были задержаны Юлий Бояршинов, Виктор Филинков и Игорь Шишкин. Большинство обвиняемых — антифашисты и анархисты.

В ФСБ утверждают, что все арестованные состояли в подпольной организации «Сеть» и намеревались во время президентских выборов и чемпионата мира по футболу с помощью взрывов «раскачать народные массы для дальнейшей дестабилизации политической обстановки в стране» и поднять вооруженный мятеж. Ячейки «Сети» якобы действовали в Москве, Петербурге, Пензе и Белоруссии.

О пытках подробно рассказывали многие задержанные: Виктор Филинков, Дмитрий

Пчелинцев, Илья Шакурский, Арман Сагынбаев и Юлий Бояршинов (на него давили в «пресс-хате» в СИЗО). О допросе с применением электрошокера говорил и Илья Капустин, которого отпустили в статусе свидетеля — опасаясь за свою безопасность, он, как и жена Филинкова Александра, уехал в Финляндию, где попросил политического убежища.

Игорь Шишкин о пытках тогда не рассказывал, однако врачи диагностировали у него перелом нижней стенки глазницы, многочисленные гематомы и ссадины, а посетившие Шишкина в СИЗО члены ОНК зафиксировали на его теле многочисленные следы, похожие на ожоги от электрических проводов.

Уголовное преследование Егора Зорина, чья явка с повинной формально легла в основу дела, прекратили. Шишкин, который признал вину и заключил досудебное соглашение со следствием, получил 3,5 года лишения свободы. В Петербурге Юлия Бояршинова (тоже признал вину) суд приговорил к 5,5 годам, Виктора Филинкова — к 7 годам. Отрицавшие в суде свою вину пензенцы получили самые большие сроки: Арман Сагынбаев 6 лет, Василий Куксов 9 лет, Михаил Кульков 10 лет, Максим Иванкин 13 лет, Андрей Чернов 14 лет, Илья Шакурский 16 лет, а Дмитрий Пчелинцев 18 лет.

Игорь Шишкин. Фото предоставлено его друзьями

Задержание. «Начали крутить свою специальную "шарманку боли". На этом я сломался»

После задержания [вечером 25 января] я исчез на двое суток. Я вышел погулять с собакой и забрать посылку. Забавно, что перед выходом я обсуждал ситуацию с задержанием Филинкова и Бояршинова с одним другом и в шутку записал ему аудио, мол «я иду гулять с собакой и на почту, если через час не выйду на связь — бей тревогу».

Когда я вышел на улицу, я уже заметил краем глаза двух курящих мужчин, посматривающих в мою сторону. А потом я опять краем глаза увидел припаркованный вторым рядом черный минивэн и двух спортивных ребят у задней пассажирской двери. В голове только успело промелькнуть: «О, видимо, это по мою душу, сейчас будут задерживать». И в следующую секунду мне прилетает удар, который, скорее всего, и сломал мне глазницу[3], у парней были перчатки с пластиковыми накладками на костяшки.

Дальше — привычная для русского антифашиста ситуация. На тебя нападают, ты пытаешься дать сдачи, ничего не понимая. В одной руке собака,

на плече большая сумка, их много — свалили и забили. Только в этот момент я услышал их крики: «Работает ФСБ! Руки за голову!» и прочее, и тогда я понял, что — все, приплыли. Замкнули наручники за спиной, надели на голову непрозрачную тканевую шапку, дальше закинули в минивэн, положили на пол вдоль двери, поставили на меня несколько пар ног в тяжелых ботинках и поехали, как говорится, «в неизвестном направлении». Собаку посадили во вторую машину.

Как только тронулись — посыпались крики, удары и разряды тока от шокера. Благодаря моей бурной молодости и периодическим встречам с сотрудниками, крики и удары были делом привычным, но вот шокер — это нечто неповторимое. Просто все твое тело пронизывает жесточайшая боль, мозг не понимает, что происходит. Пока разряды тока проходят через твое тело — ты себе не принадлежишь. Крик непроизвольно вырывается из тебя. Сплошная боль и потерянность. Разряды прерывались только на время вопросов.

Мне хватало сил не отвечать на каверзные вопросы и делать вид человека, которого взяли по ошибке. Хотя по их вопросам я и понимал, что они уже все знают и про меня, и про ребят, и про всю ситуацию в целом.

Не знаю, сколько мы ехали из центра Петербурга, в районе часа, но мы съехали с дороги и оказались в какой-то лесополосе. Вытащили меня из буса, кинули на землю и начали производить с моим телом малоприятные манипуляции, которые в народе называются «связывание ласточкой» — лежащему на животе человеку задирают ноги к застегнутым

в наручники рукам, связывают их между собой, придавливая тело коленями, так туго, что ты уже ********* [сходишь с ума] от боли, от выламывания всего тела. Через рот пропускают веревку, в моем случае это оказался поводок моей же собаки, так же запрокидывают голову, и включают ее в общую связку с руками и ногами.

Понеслись нажатия на все сочленения, специальное напряжение всех конечностей, удары по всему телу, а в виде вишенки на торте — подключили провода к большим пальцам рук и начали крутить свою специальную «шарманку боли». Именно на этом этапе я сломался, потому что понял окончательно, что они будут делать со мной все что угодно так долго, как им потребуется. Я согласился сказать и подписать все, что им нужно, и ласточку развязали. Кинули обратно в бусик, а сами остались на улице курить — что ж, понимаю, устали хлопцы. Вернулись в машину, снова поставили на меня ноги, и спросили: «Ну что, успел соскучиться?».

И, несмотря на мое полное согласие «сотрудничать», все — избиение, шокер, вопросы — продолжилось до самого приезда к месту моего жительства на Поварском переулке. Там меня жестко спросили, кто находится дома, вооружены ли и прочий бред, дали понять, что если я их обману — то мне вообще конец. Дома должны были быть жена и друг, о чем я и сообщил. Оставив меня и пару бойцов в бусике — они пошли в квартиру.

После этого мы поехали к зданию ФСБ на Литейном. Там меня, окровавленного и не стоящего на ногах, провели в кабинет следователя[4], и эта тварь

(по-другому не скажешь), как бы искренне и с сочувствием, спросил: «Ой, а что с вами случилось?».

Опера начали просматривать мой телефон, задавали вопросы по каждому контакту и переписке, следователь начал составлять бумаги, задавать мне вопросы. Я, наивно подумав, что самое страшное закончилось, попытался опять пойти в отказ, на что мне нанесли несколько ударов, сказали, что могут опять прокатить на «скорой помощи» и сообщили, что в соседних кабинетах находятся моя жена и наш сосед, и, если я буду выпендриваться, то они «просто не дадут диабетику лекарство, а жену изнасилуют». Зная этих зверей, я уже окончательно сдался и смирился.

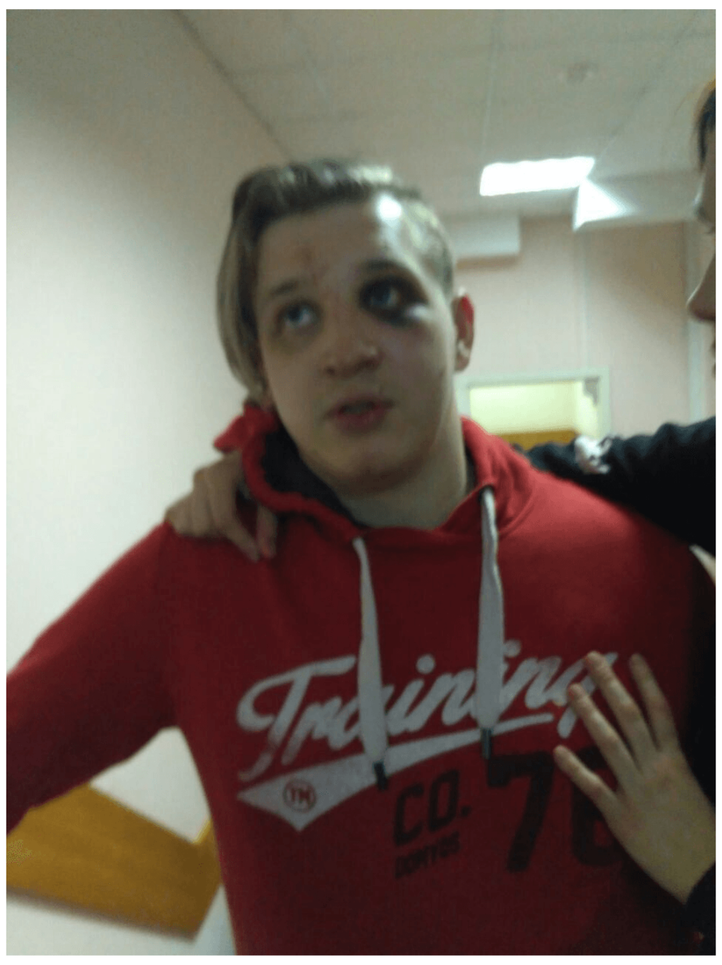
«Пытался успокоить родных, но фраза: "Я не виновен, но придется посидеть" — не лучшее решение»

Это все было уже под утро [26 января], дальше меня сутки тасовали по разным кабинетам, переоформляли какие-то бумажки, что-то давали мне подписывать. Естественно, никаких адвокатов и прочего.

В ИВС[5] меня не помещали, там очень строгая приемка по физическому состоянию, описали бы подробно все травмы и даже не стали бы принимать на себя такую ответственность. Поэтому меня повезли на медосвидетельствование. Сначала в Мариинскую больницу — там у них не оказалось лицензии для этого. Потом на Костюшко[6] — там героический дежурный врач, несмотря на тыкающих

ему в лицо корочками фейсов, настаивал на моей скорейшей госпитализации.

Это в планы гестаповцев не входило, поэтому мы поехали в Александровскую больницу: «Там главврач знакомый, все ******* [в порядке] будет». Да, действительно, там меня осмотрели, написали что-то типа «жить будет» и после этого мы поехали обратно в Большой дом[7]. Следак мне сказал, что скоро будет суд по мере пресечения, я настоял на звонке, сообщил время и место Тане[8]. Она с моими родственниками пришла на заседание[9], брату удалось сфотографировать меня, пока один увалень зазевался.

Игорь Шишкин в Дзержинском районном суде Петербурга. Фото: Андрей Шишкин

Я попытался успокоить родных, хотя фраза: «Я не виновен, но придется посидеть» — не самое лучшее решение. Формальный суд, как обычно в РФ, театр абсурда — и все, я в СИЗО ФСБ[10]. Опера сказали, чтоб я написал бумагу с отказом от общения с ОНК и прочими структурами, но я не стал этого делать, интуитивно поняв, что это мне еще поможет. Так и

случилось — буквально на следующий день ребята из ОНК меня навестили.

Спасибо огромное Яне Теплицкой, Кате Косаревской и остальным ребятам из ОНК за всю вашу работу и пробивание этой убогой системы. Потом, 29 января, приехал [адвокат] Дима Динзе. Как бы многие ни пытались его заклеймить всякими последними словами, но он мне четко сразу сказал: «Есть два основных пути — отказ, борьба, большой срок или признание и минимальный срок. Какой ТЫ выберешь — так и будем делать».

Так что это был целиком мой выбор, основанный на понимании дальнейшего хода процесса, когда у всех уже есть признательные показания и дело ведет ФСБ. Дима просто хорошо выполнял свою работу (хоть и крайне дорого).

Соглашение со следствием. «Главной задачей в плену является скорейшее освобождение»

По поводу сделки[11] — согласился, потому что это был единственно верный выбор в ситуации, когда все, за исключением, по-моему, Чернова[12], дали те или иные нужные фейсам показания под пытками. И я в том числе.

Когда ты прекрасно знаешь, как работает система правосудия в РФ, когда твои первоначальные показания ставятся во главу всего дела, а дальнейший отказ от них приравнивается к попытке избежать наказания. Это всегда работало и в простой уголовке,

и в делах с эшниками, а уж когда за тебя берется ФСБ — тут все понятнее в сто раз.

О пытках я не заявлял, исходя из этих же соображений. Я отнесся к аресту и посадке как к попаданию в плен, и вспомнил, что в какой-то методичке говорилось, что главной задачей в плену является скорейшее освобождение без потери здоровья. Здоровья у меня немало отняли при задержании, поэтому хотя бы первую часть рекомендаций я хотел выполнить. Тем более, что в основном от меня следователь хотел лишь небольшого расширения и «закрепления» тех показаний, что я дал под пытками.

Я имел возможность обсудить мою позицию при личном общении с Филинковым, Бояршиновым, Пчелинцевым, Иванкиным и Сагынбаевым. С Витей [Филинковым] мы ехали на этапе вместе трое суток в одном «купе», общались как старые добрые друзья. С Юлианом [Бояршиновым] тоже общались и на этапе, и в автозаке перед судом, от них не было претензий на 100 процентов.

С остальными ребятами виделся в Пензе, когда ехали из СИЗО в УФСБ на очные ставки. Я выразил свою позицию, которую описал выше, они — свою: шанс повлиять на становление гражданского общества, наша невиновность и прочее. Мы друг друга выслушали, я сказал, что не готов жертвовать еще больший кусок своей жизни и здоровья на эти эфемерные цели, мы обнялись, поддержали друг друга, и продолжили общение на другие темы. Претензий от них я никаких не услышал.

Оглядываясь назад, поступил бы я иначе? Если речь идет не в общем о задержании, пытках и прочем, а только о «досудебке» — то нет, поступил бы так же, только был бы более внимателен к мелочам. Это же не было мимолетным решением, у меня было достаточно времени все обдумать и взвесить.

Парни сами влипли в эту историю, сами под пытками дали показания, в том числе и на меня, и никто из них не оказал вооруженного сопротивления при задержании, не покончил с собой после данных под пытками показаний — так почему я должен быть героем и заниматься самопожертвованием? Не вижу причин.

Из друзей и близких не было ни одного человека, кто бы отвернулся. Подавляющее большинство знакомых, кто имел какие-то сомнения и непонимание по поводу моего решения, заняли позицию «я слишком хорошо знаю Игоря, как будет возможность — он все объяснит, а пока что буду ему помогать и поддерживать». Большинство же посторонних людей, которые в начале процесса обвиняли меня в чем-то, со временем поняли мою позицию и извинились за все лишнее и мерзкое, что они позволяли себе писать и говорить. Что бы я хотел сказать таким людям? Не торопитесь с выводами, изучайте любую ситуации со всех сторон и следите за языком. И не дай вселенная вам оказаться на месте того, кого вы критикуете.

Игорь Шишкин. Фото: Давид Френкель / Медиазона

Тюрьма. «Обычно мы террористов избиваем, но ты русский, из дела ничего не ясно, поэтому не будем»

Как и любой русский человек, а тем более как антифашист и анархист, я был готов к попаданию в тюрьму. Ну и, признаться, у меня уже были проблемы с законом в Украине. Тогда я провел незначительное время в СИЗО, вышел под залог и получил условку, но самый ценный опыт успел получить.

Поэтому само попадание в тюрьму не было для меня чем-то новым и стрессовым, тем более что СИЗО ФСБ в Петербурге крайне тихое и спокойное место. Не знаю, как сейчас, но тогда все хаты были максимум на двух человек, и первоходов сажали отдельно от рецидивистов, соответственно, любой человек защищен хотя бы от проблем с другими заключенными. Меня этот вопрос не беспокоил, да и, в общем, я спокойный и общительный человек, при этом умеющий отстоять свое.

Фээсбэшный изолятор очень вылизанный и показательный. Поэтому меня там даже лечили, таблетки какие-то давали, в больницу возили. Первые две недели я был на карантине, это было самое тяжелое время. Физически, так как все болело, и психологически: во-первых, от осознания того, в какую серьезную ситуацию я попал, а во-вторых, от непонимания того, что же вообще будет дальше. Воистину — неизвестность страшит больше всего.

В Киеве все было прозрачно и прозаично — тяжкие телесные, взятка судье, чтоб назначили залог, даже если не назначит — полгода в СИЗО, потом чуть большая взятка и условка. Ну, максимум пару лет срока, но вряд ли. Общая картина была ясна. Здесь же все было крайне неясно. Ну и, безусловно, в первый месяц было очень тяжело после пыток — сломанная глазница, по всему телу гематомы, «укусы клопов»[13] постоянно чешутся.

Еще одна сложность — абсолютно нечем занять все это свободное время. Никогда бы в жизни не подумал, что буду благодарить сотрудника ФСИН, который в обход инструкций приносил несколько раз мне книги. Без этих ужасных детективов и Конана Варвара я бы точно сошел с ума. Потом стало получше, меня перевели в камеру с интересным соседом и *TV*, время убивать стало поприятнее.

«Прогулка» в тюремном поезде — то еще удовольствие. «Столыпин» устроен следующим образом — восемь «купе», семь одинаковых и одно половинчатое (восьмиместное). Сами купешки представляют собой обычные купе по размеру, но нет окна, столика, нормальных коек, а вместо двери — решетка с «кормушкой»[14]. Мы всегда ехали ночью, а стояли на самой жаре, без навеса, на солнцепеке. В «Столыпине» туалет три раза в день, чтобы набрать воды в ладошки, нужно потратить минуту, пока будешь возиться с умывальником. Кипяток и питьевую воду там же разливают. С собой дают сухпайки, типа армейских, только хуже. Овощное рагу представляет из себя морковку в воде.

В Ярославль прибыли крепко очумевшие, все вонючие, голова гудит. Там нас всех завели на «вокзальчик». В обычных тюрьмах это место, откуда конвой забирает на «слежку»[15], в суды, на этап и т.д. В Ярике ужасный «вокзальчик»: комната 8 х 4 м, вдоль обеих длинных стен неудобные лавки, в дальнем углу открытая параша, и... все! Ни окна, ни вентиляции. И там может сидеть 20, 30, 40 человек. Духота ужасная, миллион мух, просто ад. На этом «вокзальчике» мы провели часа четыре, потом нас развезли по транзитным хатам. Это мрак. На «дальняк»[16] не зайти, все в экскрементах и грязи, койки изогнуты, как шезлонги, половины прутьев нет, матрас не выдали. Лишь одно мелкое окно на хату из 25 человек.

Когда уже приехали в Пензу, с поезда меня одного забирали. Восемь конвойных вокруг, на меня наручники спереди надевают, я говорю: «А сумки кто понесет?». В итоге пришлось закидывать сумки ручками на плечи, потом уже надели браслеты, и таким макаром шел 500 метров до автозака. Привезли в централ — шмон, психолог, медик, все очень официально и под запись регистратора. Пока тянул сумки — кровоподтеки на плечах и предплечьях появились, как их увидели, сразу разволновались: «Что? Где? Как?». Потом повели помыться и в хату.

Вообще, в Пензе к нам было особое отношение. Мне это лишнее внимание даже не нравилось. Каждый день приходил врач, под подпись проводил осмотр. Приходили местные ОНК, спрашивали про жалобы и все ли устраивает. Я сказал, что раньше надо было

суетиться, когда Пчелинцева пытали. Но в целом условия там были более-менее.

Стычек с другими сидельцами хватало весь срок, но со статьей они не были связаны ни разу. Вопросы или, как говорят в тюрьме, «интересы» из-за статьи, конечно же, возникали, это же не аккумуляторы с машин снимать. Все удивлялись, обычно по 205-й статье сидят мусульмане за религию, а тут парень славянской внешности, за какое-то свержение власти. Обычно никто ничего толком не понимал, и просто сочувствовал, что «по беспределу закрыли».

Про взгляды там было особо не с кем разговаривать, потому что, в основном, это была масса людей, которым это все неинтересно. Только пару раз более старшие и интеллектуально развитые люди обсуждали со мной дело более глубоко и очень смеялись с цитаты из приговора, где написано, что мы собирались «захватить власть и создать на территории РФ государство с анархическим строем».

Игорь Шишкин после освобождения в одной из европейских стран. Фото предоставлено его друзьями

Администрация почти всех мест, где я был как транзитом, так и на более долгий срок, относилась настороженно, но не враждебно. На одной «приемке»,

когда я прибыл с этапа в новое учреждение, начальник смены сказал: «Обычно мы террористов избиваем, но ты русский парень, из дела твоего ничего не ясно, поэтому не будем». На другой я в сотый раз рассказал краткую историю моего дела, что нас обвиняют в попытке свержения власти, на что один сотрудник сказал: «Да и правильно, давно пора этого старика послать на пенсию». Только в несколько более грубой форме.

На зоне пытались давить, когда не захотел общаться с фейсами, делать то, что они хотели. Они сказали администрации, а те натравили своих полублатных шестерок, но ничего у них не вышло. Так же много раз бывал в ШИЗО, иногда за несогласие с режимом, но чаще из-за статьи. В РФ существует негласная установка — всех «двести пятых»[17] крепить и не давать шанса выйти досрочно. Насилие физическое не применялось, а психологическое насилие там происходит и так каждый день в той или иной форме.

С воли была поддержка колоссальная, я ее даже останавливал, чтобы, опять же, не привлекать лишнего внимания. Спасибо всем огромное. Мне было гораздо легче жить с ощущением, что, если что-то случится — есть огромное количество людей, которые помогут.

«Нельзя недооценивать противника»

Дело «Сети» — довольно топорная попытка силовиков оправдать свое существование и огромное финансирование, а также получить новые погоны. Из фигурантов лично я был знаком только с

Бояршиновым — мы жили в одном городе, крутились в одних анархических кругах, с Филинковым — я дружил с его будущей женой Аксеновой. С Сагынбаевым и Пчелинцевым виделись по паре раз. С остальными не был знаком абсолютно.

Грязные подробности этого дела я узнавал ровно в то же время, что и вся общественность, и даже позже. Про наркотики — «торговлей» я бы это не назвал, просто парни пытались заработать[18] на очень мерзком дельце. Им с этим жить, для меня это неприемлемо.

Безусловно, вся эта информация про убийство[19] меня крайне шокировала, но, даже если официальные органы это все докажут, даже если ребята сами признаются — мне будет крайне сложно во все это поверить, так как парни не производят впечатления идиотов и маньяков-параноиков. К фигурантам дела сейчас отношусь так же, как и раньше, с огромным сочувствием. По мере возможностей — конечно, буду помогать и поддерживать общение.

Догадывался ли я о том, что силовики в курсе существования так называемой «Сети» и были ли мысли, что я тоже нахожусь в разработке? Безусловно, за то недолгое время, что я участвовал в этих безобидных тренировках, которые потом назвали «террористической подготовкой», я понял, что у многих ребят огромные проблемы с болтливостью. Хоть мы и не занимались ничем противозаконным по факту, но мы понимали, где живем и какой у многих из нас бэкграунд, поэтому старались не распространяться о своих тренировках. Не то

чтобы это была тайна за семью печатями, но как-то все все понимали, за исключением некоторых индивидуумов.

Соответственно, я понимал, что рано или поздно начнутся проблемы, но не думал, что такие серьезные. Даже когда все узнали о задержании пензенских ребят, я подумал — ну, мы-то с ними пересекались всего пару раз, нас это не коснется. Потом, когда стало известно о задержании Бояршинова и Филинкова, я подумал — тю, да я же давно с ними уже не общаюсь, меня-то уж точно не тронут. Но, как говорится, нельзя недооценивать противника. Поэтому отчасти сам виноват, конечно.

Безусловно я предполагал, что рано или поздно, находясь в России и идя против режима, я либо окажусь в тюрьме, либо придется резко уехать. Вот, прошел оба варианта, получается.

Редактор: Егор Сковорода

1. Шишкин — владелец магазина по продаже веганского спортивного питания.
2. В июне Валдайский районный суд Новгородской области удовлетворил иск исправительной колонии №4 и установил над Шишкиным административный надзор на восемь лет. По решению суда ему запрещено покидать место жительства ночью, выезжать за пределы определенной территории и посещать массовые мероприятия. В силу решение пока не вступило.
3. При осмотре в Александровской больнице, куда сотрудники ФСБ привезли Шишкина утром 27 января, врачи диагностировали у него перелом нижней стенки глазницы, многочисленные гематомы и

ссадины. Он был вынужден написать заявление о том, что якобы получил травмы во время тренировки.

4. Игоря Шишкина, как и задержанного за несколько дней до него Виктора Филинкова, допрашивал старший следователь следственной службы ФСБ по Санкт-Петербургу и Ленинградской области Геннадий Беляев.

5. Изолятор временного содержания.

6. Петербургская городская больница № 26. За три дня до этого в нее после уже привозили Виктора Филинкова — но его осматривали не после пыток, а, наоборот, перед ними.

7. Так в Петербурге называют здание ФСБ на Литейном проспекте.

8. Жене Игоря Шишкина.

9. Вопрос о мере пресечения 27 января рассматривал Дзержинский районный суд Петербурга.

10. Формально петербургское СИЗО-3 на Шпалерной улице относится ко ФСИН, но де-факто его контролируют сотрудники ФСБ.

11. Шишкин полностью признал свою вину и заключил досудебное соглашение со следствием — оно предполагает, что во время следствия и в суде человек дает показания не только против себя, но и против других обвиняемых.

12. Вероятно, Шишкин путает Андрея Чернова с Василием Куксов — никогда, даже в первые дни после ареста, не признавал вины и не давал показаний на других задержанных именно Куксов.

13. Отказывая в возбуждения уголовного дела о пытках Ильи Капустина, следователь аргументировал отказ в том числе мнением врача, написавшего, что следы на его теле могли остаться не от ударов электрошокером, а могли быть вызваны «кожными заболеваниями либо укусами насекомых (клопов)».

14. Небольшое отверстие в тюремных дверях, через которое передают еду.

15. Следственные действия.

16. В туалет.

17. Осужденных по террористическим статьям Уголовного кодекса.

18. Михаила Кулькова и Максима Иванкина задержали во время раскладки закладок с наркотиками еще весной 2017 года — тогда

им удалось сбежать. В торговле наркотиками обвинили также Андрея Чернова. Остальным фигурантам дела подобных обвинений не предъявлялось.

19. Основываясь на рассказе бежавшего в Украину Алексея Полтавца, «Медуза» (закон обязывает уточнить, что Минюст назвал ее «иностранным агентом») писала, что пензенские фигуранты дела «Сети» причастны к убийству двух своих знакомых в лесу под Рязанью — Екатерины Левченко и Артема Дорофеева. По версии Полтавца, он и Максим Иванкин убили обоих весной 2017-го, чтобы Левченко и Дорофеев не дали против них показания по делу о наркотиках. Решение об убийстве, по его словам, принимали коллективно.